

К СОЦИАЛЬНОЙ ЛОГИКЕ ТЕХНОНАУКИ

Со второй половины XX века начался отсчёт особой фазы в истории цивилизованного мира, связанной с параллельным революционным развитием био- и информационных технологий. В основе этого прорыва лежали эпистемологические преобразования, связанные с радикальным пересмотром традиционного соотношения теории и практики в структуре научно-исследовательского процесса: направляющую роль в познании стало всё больше играть не столько развитие новых концепций, сколько применение новых технологий. Установление приоритета технологической составляющей в целом ряде наук (прежде всего в новом эпистемическом комплексе, получившем название *life sciences*) заставило отказаться от традиционного тезиса «наука открывает мир, техника изменяет его», равно как и от привычного разделения на чистое исследование (фундаментальную науку) и прикладные науки. Важным элементом этих трансформаций явилось новое позиционирование *технонауки* в системе координат современного общества: неотделимость исследования от технологии предполагало, с одной стороны, принципиальное взаимодействие науки с либеральной рыночной экономикой, с другой – существенное сокращение дистанции между научной деятельностью и повседневной жизнью.

Интенсивное внедрение новейших научных технологий в таких решающих областях человеческой жизни, как *коммуникация* и *здоровье*, привело к неизвестному ранее сближению науки и повседневности. Результатом этих процессов явилось не просто повышение компетентности отдельного индивида («юзера» или зрителя/слушателя в первом случае, пациента/покупателя – во втором), но перекраивание самой социальности, появление новых культурных практик и реформатирование опыта личной идентичности.

Социальные эффекты новейших био- и информационных технологий сформировали проблемное поле, по отношению к которому традиционный апокалипсический подход в освещении «вопроса о технике» (от Мартина Хайдеггера и «франкфуртцев» до членов Римского клуба) обнаружил свою принципиальную несоразмерность. Предлагаемое новыми технологиями качественное расширение спектра человеческих возможностей (через оптимизацию и «постчеловеческий» *upgrade* организма, обогащение перцептивного и коммуникативного опыта, создание виртуальных сообществ и стимулирование новых когнитивных навыков и т. д.) самым радикальным образом поставило под вопрос валидность базовых современных представлений о человеческой «видовой

идентичности» (Юрген Хабермас), принципах социализации и условиях производства смысла.

Как отмечал Станислав Лем в своей известной книге *Сумма технологий*, на протяжении многих веков «каждое поколение заставляло технологию внешне неизменной и “естественной”, как восход и заход солнца»¹. В наше время это утверждение звучит, по меньшей мере, парадоксально. В самом деле, можно предположить, что колесо, лебёдка или лопата – это изобретения, которыми будут пользоваться всегда. К тому же физический труд никуда не исчез, даже если автоматизированные системы и цифровой труд делают его всё менее видимым. Кроме того, любая новая технология опирается на изобретения предыдущих эпох, изменяя их порой до неузнаваемости. Однако отличительной чертой нашего времени является то обстоятельство, что технологии сменяют друг друга «слишком» быстро, а промежутки времени между значимыми инновациями, меняющими социальную реальность, становятся всё более короткими. В итоге мы не успеваем осмыслить ни их приход, ни их исчезновение. Наступление гипотетического момента технологической сингулярности представляется не только неизбежным, но и очень близким. Скорости изменений и порядки усложнения рождают тревогу: в какой мере технический прогресс остаётся доступным нашему пониманию?

Драматическое расхождение «двух культур», диагностированное британским физиком Чарльзом Сноу в начале 1950-х годов, с наступлением эпохи цифровых технологий вступило в новую фазу. Мирный (или немирный) атом, кибернетика, а сегодня также и человеческий мозг² были и остаются стратегически важными форпостами в политическом состязании стран, притязающих на первенство (или хотя бы «признание») в условиях жёсткой экономической и идеологической конкуренции. В этом смысле пресловутое соперничество «физиков и лириков» не является ни отвлечённой поэтической метафорой, ни случайным эпифеноменом исторического процесса. В ситуации, когда производство и использование знания оказываются подчинёнными либо милитаристским целям, либо ставкам на получение коммерческой прибыли, «физики» всегда при деле, всегда важнее и всегда – на более высокой ступени иерархической лестницы в системе производства знания.³

¹ С. Лем: *Сумма технологий*, Москва: Мир, 1968, 23.

² Здесь имеются в виду масштабные (многомиллионные) исследования, связанные с составлением «карты мозговой активности» (*Brain Activity Map*), которые уже стали «полем битвы будущего» между США и Евросоюзом. Итальянский теоретик Франко «Бифо» Берарди отмечает, что «фундаментальными вопросами XXI века будут коллективный ум и “псюхе” человеческого мозга в самом что ни на есть физическом смысле этого слова» (см. более подробно: Ф. «Бифо» Берарди: *Всеобщий интеллект – поле битвы будущего*, [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://left.by/archives/966>).

³ Ненаучное отступление в анекдотическом жанре: «В 1975 году академик Сахаров получил Нобелевскую премию мира. То есть человек,

К сожалению, стало общим местом (в академических дискуссиях, медиадискурсе, бытовой риторике) упрекать «лириков», не имеющих ни экономической, ни социальной власти, в «морализме», «догматизме», «идеализме» лишь за то, как писал Сартр, что они «рассуждают так, словно живут в отдалённом будущем и судят наше время с абстрактной точки зрения будущего»⁴. И нередко само «вопросание» воспринимается (технократами) как ретроградство, как жест неприятия инновативных изменений. Дело выглядит так, как будто «лирики» задают ненужные вопросы («о смысле»), оспаривают «бесспорные» истины, «зачем-то» интересуются социальными последствиями и беспокоятся об этических коллизиях технократического целеполагания. Словом, мешают «прогрессу» в обществе, где всё подчинено ближайшим прагматическим целям и вопрос о *неутилитарном знании* кажется нонсенсом. Знание не может быть бесполезным, наука должна приносить пользу.⁵ Всё верно, но в какой мере развитие науки и технологий отвечает интересам человечества в целом и насущным потребностям Человека в самых разных аспектах его жизнедеятельности?

Одним из фатальных последствий разделённости «двух культур» (с учётом иерархизации различных областей знания в системе социально-политических и экономических приоритетов в современном обществе) следовало бы считать наступление эпохи «ложного сознания». Маргинализация философской рефлексии, забвение вопросов об истине, этических последствиях, разумных основаниях и общем благе во все времена приводили к усилению обскурантизма в самых различных его проявлениях. Наука, занятая поиском непосредственной «эффективности», а не «истины» (Поль Вирильо), покинула публичную сферу, оставив после себя пустоту, наполняемую информационным «шумом» и квазиобъяснениями медиаэкспертов. Растущее количество приверженцев

придумавший водородную бомбу, получил премию мира имени человека, придумавшего динамит!» Впрочем, как писал Сартр, «конструировать бомбу – это одно, а осуждать её использование – совсем другое»: «интеллектуалами» не назовешь учёных, которые работают над расщеплением атома, чтобы улучшить оружие для атомной войны, – они только учёные, и всё. Но если те же учёные, испытавшись разрушительной мощью оружия, которое они создают, собираются вместе и пишут манифест, чтобы предостеречь от использования атомной бомбы, они становятся интеллектуалами (см.: Ж.-П. Сартр: *Защитительная речь в пользу интеллектуалов*, [Электронный ресурс] Точка доступа: http://www.scepsis.net/library/id_2752.html).

⁴ Сартр, указ. ресурс.

⁵ В этой связи имеет смысл перечитать одно из выступлений Льва Троцкого середины 1920-х, в котором обсуждается вопрос об «инвентарном выборе» научных достижений (в зависимости от целей, которые ставит перед собой тот или иной общественный строй) и о пользе знания, вырабатываемого «для предвидения и умения»; см.: Л. Троцкий: *Д.И. Менделеев и марксизм*, Доклад IV Менделеевскому съезду по чистой и прикладной химии 17 сентября 1925 года, Москва – Ленинград: Госиздат, 1925).

новых религий или разбухающая аудитория «мистических» телеканалов тому лишнее подтверждение. Однако необходимо заметить, что развитие науки и технологий – это сфера общих интересов и предмет широкого публичного обсуждения, а не поле технических операций отдельно взятых специалистов и бюрократов и тем более не «область всеохватывающего гипноза/манипуляции» (Жан Бодрийяр). И потому исследование генеалогии, исторических причин и последствий, а также целей и перспектив развития науки и техники является чрезвычайно важной задачей для представителей социальных и гуманитарных наук. Насколько действенным является такое «вопросание»? Как нам думается, вслед за Ж.-П. Сартром следовало бы говорить о *разоблачении*, которое является *моментом действия*, в том смысле, что «действие частично отрицает то, что есть (поле практики предстаёт как ситуация, подлежащая изменению), в пользу того, чего нет (состояние, к которому стремятся, перераспределение первичных данных о ситуации, чтобы в конечном анализе воспроизвести жизнь)»⁶.

Безусловно, сегодня нет такого человека (будь то просвещённый обыватель или «человек науки»), который не отдавал бы себе отчёта в стремительно изменяющихся повседневных практиках и появлении всё новых форм технозависимости. Достижения в области медицины, геномной инженерии и биотехнологий, равно как и инновации во множестве других областей (от освоения космоса до образования), кажется, снимают вопрос о прогрессе в подчинении природы человеку и совершенствовании природного в человеке, но при этом классические вопросы, поставленные теоретиками Просвещения (от Канта до Адорно и Хоркхаймера) – о том, как связаны технологический прогресс, эмансипация человека и проблема отчуждения, – остаются по-прежнему безответными. Почти пятьдесят лет назад польский писатель-фантаст Станислав Лем в уже упомянутой выше книге *Сумма технологии* сформулировал вопрос, который по-прежнему звучит более чем актуально: «Кто кем повелевает? Технология нами или же мы – ею?».

Век «дромократической революции» (Вирильо) – это эпоха утвердившегося в своих правах *Технолога*, но речь при этом идёт не столько о безусловном господстве «разумных машин» и SMART технологий, сколько о том, что техника, создаваемая людьми и являющаяся воплощением «овеществлённой силы знания» (К. Маркс), служит определённым экономическим интересам и встраивается в определённую социальную логику. Именно исследование социальной логики развития и распространения информационных и биотехнологий является центральной задачей данного номера. При этом слово «эффекты» в названии темы номера следует понимать расширительно:

это и конкретные, эмпирически фиксируемые и наблюдаемые, последствия развития био- и информационных технологий (вроде

⁶ Сартр, указ. ресурс.

новых социальных практик и культурных трендов, изменений в социальной политике и структуре взаимодействия науки и бизнеса и т. д.),

и новое проблемное поле, делающее актуальным запрос на меж- и даже трансдисциплинарность, референтами которого выступают социогуманитарные и естественные науки,

и имплицитные (неотрефлексированные) «предрешения» тех или иных проблем, содержащиеся в различной культурной и научной продукции и свидетельствующие о силе – инерционной или революционной – соответствующих политических и/или философских убеждений,

и, наконец, аффекты («волнения и страсти»), которыми пронизаны все шаги, размечающие всё более экстенсивное интегрирование новейших технологий в наш жизненный мир.

Номер открывает *интервью* с профессором философии Новой школы социальных исследований (Нью-Йорк) Саймоном Критчли. Это своего рода затакт по отношению к рубрицированной части выпуска. Указывая на угрозу субъективности, а также на такой специфический феномен, как *moral hypocrisy*, Критчли транслирует весьма характерную для нашего времени тональность в плане общей оценки новейших технологий. Однако же нельзя сказать, что весь номер выдержан в этой (одной) тональности – тональности настороженности и предостережения. Нашей задачей явилось скорее определённое картографирование ключевых интеллектуальных (дис)позиций в заявленном проблемном поле, которое (картографирование) позволило бы выявить противоположности и комплементарности между различными авторами и теоретическими подходами. С точки зрения предмета исследования, задача номера состояла в том, чтобы проследить, описать и проанализировать социокультурные феномены и практики, которые появились в силу развития новейших био- и информационных технологий и которые для своего осмысления заставляют создавать новые теории и изобретать новые понятия.

Так, с лёгкой руки Бруно Латура в поле социогуманитарных наук появляется понятие «антропоцен», перенесённое сюда из такой естественно-научной области знания, как геология. Сам этот перенос весьма симптоматичен и указывает на проблематизацию классического различения между природой и культурой, природой и обществом. Вписанное в такую траекторию слово «антропоцен» выступает не как метафора (в классическом смысле этого слова), а как понятие-гибрид, которое увязывает в один эпистемологический узел перспективу «естественников», рассматривающих человека как один из факторов окружающей среды в эволюции Земли, и перспективу «гуманитариев», интересующихся возможностями самотрансформации «человеческого порядка». В научной литературе имеется множество свидетельств формирования этой новой эпистемологической констелляции – в частности вызвавшая широкий резонанс книга французского философа Жан-Мари Шеф-

фера *Конец человеческой исключительности* (в оригинале вышла в 2007, в русском переводе – 2010 году).

Наша первая рубрика – «**Наука и человек в эпоху “антропоцен”**» – отчасти также репрезентирует отмеченную выше констелляцию. Здесь впервые публикуется перевод на русский язык *Введения* к новой книге Бруно Латура *Enquête sur les modes d'existence. Une anthropologie des modernes* (2012). Несмотря на то что тематический фокус книги связан с экологической проблематикой, включение этого текста в данный номер уместно по целому ряду причин. Прежде всего, задаваемая Латуром концептуальная рамка позволяет как раз увидеть и осмыслить комплементарность современных био- и информационных технологий, которая редко тематизируется в дискуссиях, касающихся какого-то одного из этих направлений технологического развития. Кроме того, заслуживает особого внимания методологическое притязание автора на то, чтобы мыслить из перспективы, внеположной перспективе Нового времени, или «нововременных». Латур определяет её как перспективу сравнительной антропологии (что само по себе не лишено противоречия, ибо подобные дисциплинарные идентификации сформировались в контексте нововременной/научной рациональности). Этот подход обладает особым эвристическим потенциалом, если учесть, что подавляющее большинство социогуманитарных дискуссий, посвящённых актуальному технологическому развитию, ведётся с позиций, репрезентирующих как раз идейные основания Нового времени (и в первую очередь его поздней фазы). Наконец (*last but not least*), речь идёт о проблематизации института науки, его социального места и функциональных задач, а также самих условий возможности его *creditability*.

В свою очередь Грегори Сэндстром в статье *Evolution, Extinction or Extension: What is the Risk of Adopting the Wrong Anthropic Principle?* обращается к проблеме нового самоопределения человека, которая стала актуальной ввиду открывшихся возможностей биотехнологического вмешательства в эволюцию человека. Занимая критическую дистанцию по отношению к идеологии трансгуманизма, автор полагает, что для противостояния её вызовам необходимо сформулировать новый антропный принцип, который был бы равно валиден и с точки зрения естественных наук, и с точки зрения социогуманитарных наук, традиционно более чувствительных к рискам дегуманизации.

Вторая рубрика – «**Биомедицина между автономным выбором и биополитикой**» – сосредоточена на социальных и морально-этических вопросах, возникающих в связи с распространением новейших медицинских биотехнологий. В центре внимания – возможности вмешательства в генетическую конституцию человека, а также новые репродуктивные технологии и практики. В статье Анны Селезнёвой *Сумма (био)технологий: практики вспомогательной репродукции как пространство социальных трансформаций и этических вызовов* выявляется структурная амбива-

лентность названных практик, связанная с тем, что здесь происходит совмещение порядков, которые в классической современной системе координат были отнологически разведены: технологический процесс и близкие человеческие отношения, коммодификация и родительство (рождение ребёнка). Татьяна Щурко, в свою очередь, обращается к биополитическому аспекту технологического вмешательства в репродуктивную сферу (статья *(Био)политические игры: вспомогательные репродуктивные технологии в Беларуси*). Основываясь на анализе соответствующих регулятивных документов и газетных статей, автор показывает, что развитие рынка репродуктивных технологий в Беларуси на дискурсивном уровне оказывается вполне комплементарно встроено в государственную биополитическую стратегию, продвигающую ценности многодетной семьи и демографической безопасности нации.

В очень обстоятельной статье Андрея Тетёркина *Морально ли (не) родить ребёнка-инвалида в эпоху позднего модерна?* обсуждаются принципиально новые морально-этические проблемы, которые возникли в развитых обществах в результате появления и широкого распространения такой биомедицинской технологии, как пренатальная диагностика. Автор сосредоточивается на этической дилемме, с которой сталкиваются потенциальные родители, узнавшие о тех или иных негативных результатах этой диагностики, то есть о той или иной (более или менее тяжёлой) болезни своего ещё нерождённого ребёнка. Знаменитый сартровский «приговор» человеку, объявляющий последнего «осуждённым на свободу», приобретает здесь новый профиль: потенциальные родители вынуждены принять автономное решение по поводу того, делать или нет селективный аборт. Пытаясь прояснить возможные основания такого выбора, автор показывает, что в моральной системе координат общества позднего модерна прямо противоположные решения могут оказаться в равной степени морально легитимными.

Рубрику замыкает круглый стол *Новые генные и репродуктивные технологии как пространство социальных трансформаций*, организованный в Минске как публичное мероприятие. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что одной из характерных черт эпохи новых био- и информационных технологий является интенсификация запроса на научно-популярное знание. Повседневная жизнь, обычными опциями которой становятся генетическая диагностика и выбор способа репродукции, требует от индивидов соответствующей научной компетентности и нового уровня рефлексивности. Последнее обстоятельство имплицитно указывает и на роль гуманитариев, которые должны содействовать гражданскому обществу в прояснении оснований для принятия решений (индивидуальных или коллективных) по поводу использования тех или иных биомедицинских технологий и практик. Отдельно следует отметить также тот факт, что в заявленной дискуссии принимали участие представители естественных и гуманитарных наук, что делает публикуемый транскрипт предметом особого интереса.

Цифровая эпоха кардинальным образом изменила все сферы социальной жизни, включая производство знания, способы мышления, практики запоминания и трансляции смыслов. Приверженцам традиционной – письменно-печатно-гуманитарной – культуры очень непросто свыкнуться как со скоростью трансформаций, так и с самим характером изменений. На протяжении многих предшествующих веков занятия интеллектуальной деятельностью предполагали наличие пера, чернил и бумаги. Этого скромного арсенала «технических средств» было достаточно. Ещё *тридцать лет* назад печатная машинка казалась если не пределом технологического совершенства, то, по крайней мере, надёжным «другом», долговечным инструментом, незыблемой константой профессиональной жизни. Но «мир изменился»: ручной труд и бумага уступили место (на непродолжительное время) факсу, ксероксу и дискетам, затем – электронной почте, сканированной «памяти» и безразмерным базам данных. Будучи зажатыми в тисках электронной коммуникации, мы уже не представляем, как может быть иначе: «есть ли жизнь» без интернета? Постепенное исчезновение печатных книг из нашей повседневной жизни поставило под вопрос «вечное настоящее» эпохи Гуттенберга. Гуманитарий, оказавшись в положении «юзера», который не способен сделать ни шагу без использования множества технологических протезов, вынужден смириться с тем, что сама мысль оказалась подчинена технологическим режимам современности.

В рубрику «*I-Cloud: субъект и общество в условиях медиареальности*» вошли *три* текста, объединённых общим стремлением авторов осмыслить диалектику индивидуального и социального в условиях цифровой реальности. Необходимо отметить, что общим концептуальным знаменателем здесь выступают не *Media Studies*, а социальная критическая теория. О чём бы ни шла речь, будь то конвергенция медиа, «облачные» сервисы», цифровая глобализация, информационный надзор и т. д., – все эти вопросы рассматриваются с точки зрения социальных эффектов и социальной логики, обуславливающей направление развития новых технологий. При этом не менее значимой оказывается и задача «адаптации» самой социальной теории к изменившимся реалиям: новые технологии провоцируют новые вопросы, обсуждение которых требует от исследователя иных компетенций и иной «работы языка». Упругость техносленга (профессионального вокабулярия, описывающего те или иные технические процессы) часто оказывается довольно серьёзным препятствием для гуманитариев, которые отваживаются исследовать концептуальную матрицу технологической реальности (будь то сфера био- или IT технологий).

В полемической статье Дмитрия Бойченко *Информационный террор: проблема индивидуальной автономии в условиях цифрового надзора* затрагивается целый ряд значимых для современной социальной теории проблем. Задаваясь вопросом о том, в какой степени технологические новации и их стремительное распро-

странение обуславливают «стадиальные» сдвиги социального развития, автор полагает возможным говорить о «цифровом модерне» и приходит к выводу о том, что новые технологии, «объединяя» индивидов посредством виртуальных сетей и постоянной «включённости», создают виртуальные протезы «общности», технологизируют режимы социального консенсуса (достаточно лишь кликнуть в ответ на запрос «власти» – «я согласен») и встраивают индивидов в новый технологический режим, преподносимый как «мир тотальной гармонии». Проблема цифрового контроля обсуждается также и в статье *Концепция цифровой безопасности: от стандартизации к воспроизводству социальности* Сергея Панасюка. Развивая тезис о том, что в условиях цифровой реальности социальное вытесняется коммуникацией⁷, автор уделяет особое внимание тому, как цифровые технологии содействуют формированию и структурированию современного общества, какие техники этому способствуют, каков принцип их функционирования и как это сказывается на трансформации базовой для общества и индивида идеи безопасности. Автор утверждает, что сегодня «безопасность работает не на человека, а на стабильность работы информационной экосистемы».

В развитие темы конструирования «социального» Виктория Константюк в статье *Медийное/сетевое опосредование как социальное опосредование* обращается к теме медийного опосредования желаний современного человека/пользователя. Рассматривая «медийное» как «способ данности социального, как канал и код подключения к измерению социального», автор уделяет особое внимание феномену социальных сетей, поскольку именно такие платформы, как *Одноклассники*, *ВКонтакте*, *Facebook*, *YouTube*, *Twitter*, *Instagram*, определяют ежедневные привычки социального взаимодействия, общения, творческого производства и участия.

В следующую рубрику номера – **«Код доступа: игры с памятью в цифровую эпоху»** – вошли два текста, посвящённых проблеме осмысления трансформации практик памяти в контексте цифровой культуры (на примере интернета и кинематографа). Российская исследовательница Наталья Масленкова в своём тексте *Коды памяти: трансформация практик в контексте электронной культуры*, обращаясь к истории различных форм кодирования индивидуальной и коллективной памяти, показывает, что каждая новая форма передачи информации приводит к появлению новых культурных практик. Особое место в современных практиках и способах конструирования памяти играют компьютерные игры. На примере одной из самых популярных многопользовательских онлайн игр *World of Tanks* автор показывает, что в цифровой культуре идея неприкосновенности прошлого и необратимости исторического времени (которая не подлежала сомнению в условиях «аналоговой» культуры) больше не актуальна: прошлое открыто транс-

⁷ Ж. Бодрийар: *В тени молчаливого большинства, или Конец социального*, Екатеринбург, 2000, 73.

формациям и изменениям. Игрок становится индивидуальным Автором событий, которые произошли (бы) или которые можно (было бы) предотвратить при его личном участии. В итоге автор статьи приходит к выводу о том, что в цифровой культуре «появилась принципиально новая форма памяти – личностно изменённый исторический код, существующий как опыт локальных (в данном случае – геймерских) групп в исключительно электронной форме».

В этом контексте необходимо упомянуть и возросшую популярность такого кинематографического и литературного жанра, как «альтернативная история», а также разнообразных вариаций на тему утопии и дистопии. К исследованию этой проблемы обращается Антонина Анисимович в своей статье о дистопических нарративах в современном «молодёжном кино для взрослых» (*Dystopian Narratives in Contemporary «Young Adult» Cinema: History and Memory in the Digital Age*). Автор отмечает, что и утопические, и апокалипсические нарративы всегда воплощали собой своеобразную форму терапевтической «обработки» неопределённости. Отталкиваясь от теоретических размышлений Мангейма, Фуко и Джеймисона, автор показывает, что в мире, утратившем альтернативу, утопия вновь обнаруживает свой критический потенциал, давая возможность помыслить историю в сослагательном наклонении и создать *what if* воображаемые миры неопределённого будущего. Утопия пропитана пафосом изменения и преобразования утвердившегося *status quo*.

Однако в политическом дискурсе утопиям сегодня не место. После распада Советского Союза мы имеем дело с разнообразными формами деградации самой главной утопии XX века – идеи коммунизма, которая, как известно, была неразрывно связана с идеей научно-технического прогресса («освобождение – через технику»). В заключительном разделе данного номера – **«Техноциентистские утопии XX века и современная геополитика»** – мы публикуем статью Пола Джозефсона и Татьяны Касперски *Российский национальный технологический символизм: при “Советах” и после*, в которой поднимается целый ряд проблем, значимых для понимания современных политических и экономических коллизий в развитии науки и технологий. В условиях конкуренции «двух систем» технологическая автономия супердержав, с одной стороны, являлась фактором выживания (для Советского Союза), а с другой – использовалась как идеологическое преимущество. Однако сегодня, в отсутствие «системного» различия политических режимов, вопрос об экономической конкуренции оттеснил политическую составляющую на второй план (в наше время большая политика – это политика устойчивых и самодостаточных экономик). Что осталось «на руинах» советской цивилизации, в ситуации, когда технологический разрыв между «первым миром» и бывшей советской державой стал очевидным? По мнению авторов статьи, миф о технологическом превосходстве «русских» достался России в «наследство» от советской цивилизации. Учитывая степень изношенности

инфраструктур, созданных во времена Советского Союза, отставание в области наукоёмкого производства, зависимость от цен на мировом рынке на природные ресурсы, исследуя формы, в которые этот миф о технологическом превосходстве облекается сегодня, авторы задаются вопросом: насколько правомерным может быть сравнение между «сталинским» и путинским режимами – если речь идёт о глобальных вызовах и технологическом императиве (будь то область ядерных, нано-, био- и других технологий, равно как и проблема экологических вызовов)?

Таким образом, не стремясь к тому, чтобы поставить нашей эпохе диагноз или же предложить очередной футурологический прогноз, мы хотели бы всего лишь сделать небольшую паузу, чтобы осмотреться, произвести «инвентаризацию» теоретических подходов и проанализировать круг вопросов, касающихся отношений субъекта и технологий в условиях изменившейся реальности. В какой мере мы как социогуманитарные исследователи чувствительны к этим изменениям, с помощью каких категорий мы переосмысливаем наше недавнее прошлое (в том числе и историю технологий как историю культуры) и анализируем настоящее?

Альмира Усманова, Татьяна Щитцова